

Рюппель С.Э.

Сражение при Валутиной горе. Ранение и плен

Опубликовано: // 1812 год: Война и мир. Материалы III Всероссийской научной конференции. Смоленск, 2012. С. 115-121.

Данная публикация представляет часть 6-й главы мемуаров. (Rüppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russlands. Berlin. 1912. S. 81-93). Слова, набранные *курсивом*, в оригинале приводятся по-французски. Русские слова оставлены без перевода.

Перевод с немецкого и публикация к.и.н. **Хомченко С.Н.** Благодарю за помощь д.и.н. Попова А.И. и Семенищеву Е.В.

Рюппель (Rüppel) Симон Эдуард (24.11.1792 - 27.12.1863), вестфальский офицер, мемуарист. Окончил военную школу, с 1810 унтер-лейтенант 2-го вестфальского гусарского полка. В 1812 – во 2-й роте 1-го эскадрона этого полка, в 24-й бригаде лёгкой кавалерии 8-го армейского (вестфальского) корпуса. Ранен и взят в плен в бою у Валутиной горы (7/19.08); отправлен в Оренбургскую губернию. Вернулся на родину в 1814; поступил на австрийскую службу в уланский полк и проделал поход во Францию в 1815. После выхода в отставку работал на почте во Франкфурте на Майне. В 1855 восстановил могилу Е.И. Бедряги, убитого в 1813, за что получил благодарность русского императора Александра II. Оставил воспоминания о начале русской кампании и о пребывании в плену, где очень доброжелательно отзывался о России.

* * *

(115) Сегодня 19 августа: солнце ярко светило с раннего утра, и так как мы перемещались по открытой местности, должны были терпеть его. Около 10 часов мы прибыли к Днепру и нашли сколоченный нашими саперами понтонный мост готовым. Мы сразу переправились по нему, и два орудия конной артиллерии присоединились к нам. На противоположном берегу местность становилась гористой и богатой лесом. У входа в чащу мы нашли труп ротмистра де Сен-Сернена из генерального штаба, у него была огнестрельная рана и несколько колотых: он попался в руки русским при рекогносцировке местности. Ранее он был некоторое время моим ротмистром и выторговал мне превосходную лошадь рыжей масти у шефа эскадрона Мени из 3-го кирасирского полка, но я уже не получу денег за прекрасный *цилиндр*, который продал ему в Ашерслебене. Сильнейшая канонада, которую можно было слышать на нашем левом фланге, смещалась к (116) нам оттуда, где Ней и Даву жестко преследовали русскую армию, покинувшую Смоленск. При этом, что очень обидно, французы потеряли одного из лучших своих генералов, смелого Гюдена, много храбрых офицеров, а также более тысячи убитыми и пленными.

Наша бригада тем временем не останавливаясь шла маршем дальше. Мы радовались лаврам, которые ждут нас, когда нам удастся отрезать отход очень быстро отступающему в длинных колоннах противнику. Только в 1 час пополудни мы остановились на лесистой возвышенности вблизи большой деревни. Мы двигались по полкам и спешили, чтобы дать некоторый отдых лошадям и людям. Мы были сильно утомлены обжигающими солнечными лучами. Несколько человек были посланы в деревню, но они не принесли ничего, кроме горшка кислого молока с небольшим количеством хлеба. Все предложено было отдать генералу фон Хаммерштайну, который сделал несколько глотков и протянул остальное полковнику фон Хессбергу. Тот отрезал себе кусок и бросил остатки на землю неподалеку от меня. К счастью, они упали на жнивье: я бросился туда и нашел маленький кусочек, который потом грыз в долгих переходах. У меня больше не было хлеба, но несколько плиток шоколада, которые я купил в Смоленске, должны были заменить его. Теперь канонада приближалась к нам все ближе и мы видели на западе лесистой местности как поднимается пороховой дым. Вскоре после этого большое облако пыли образовалось поблизости от нас, и мы увидели группу всадников, далеко впереди которой

скакал человек, по внешнему виду которого все узнали короля Неаполитанского Мюрата. Я никогда не забуду впечатления, которое произвел на меня рыцарский облик этого героического человека: загорелое прекрасное лицо с гладкими черными локонами за ушами, костюм, пожалуй, несколько театральный, но в высшей степени со вкусом подобранный, со смесью польского и восточного, подчеркивал великолепную форму его величественного вида еще больше. Уже издали он кричал нам: *«На коня! На коня!»* и прежде чем он достиг нас, мы уже были верхом и построились, а трубачи трубили. Король недовольно обратился к нашему генералу, упрекая за ненужную остановку. Хаммерштайн сослался на особую команду герцога Абрантеса ожидать здесь прибытия вестфальской пехоты. Король верхом проехал, или скорее пролетел, наши ряды и сказал прекрасному полку гвардейских шеволежер: *«Я надеюсь, шеволежеры, что вы будете так же смелы, как вы красивы»* – после чего ускакал со своей свитой. Нам тут же скомандовали: *«Справа по четыре! рысью! марш!»* Таким образом мы ехали верхом примерно полчаса, пока не остановились в месте, откуда подробно могли обозреть местность. Перед нами пролегал глубокий овраг, по которому вела только узкая тропа; посередине через него бежал заболоченный ручей, и на ту сторону нужно было взбираться по крутой возвышенности. Отсюда мы увидели большое плато, которое было рассечено вдали тополиной аллеей, (117) протянувшейся от Смоленска до Дорогобужа, по которой отступали русские. Это плато носит имя Валутина гора (святая гора). Местность состояла попеременно из полей жнивья и клевера и вполне подходила для действий кавалерии.

До сих пор мы следовали в полковой колонне. Однако когда на дальних полях вблизи тополиной аллеи были замечены передвигавшиеся туда-сюда красные точки, которые были ничем иным, как стрелками русских гвардейских гусар, взвод нашего полка с лейтенантом фон Реденом был отослан на ту сторону дефиле обстрелять их, чтобы их перевес не был слишком велик. Одновременно группа вольтижеров приближавшегося 1-го вестфальского легкого пехотного батальона с капитаном фон Вурмбом также прошла овраг и двигалась по открытому полю вперед. Как только лейтенант фон Реден решил направить своих людей для фланкирования, до сих пор невидимый эскадрон красных гвардейских гусар бросился на него, у нас на глазах несколько наших людей были сброшены с лошадей и непременно были бы взяты в плен, если бы не огонь вольтижеров. Но все же он был малоэффективным, так как я не увидел ни одного упавшего красного

гусара. Потеряв семь человек, Реден вернулся. Храбрая группа вольтижеров решительно шла навстречу врагу; тот удалялся, снова приближался и останавливался. К сожалению, вольтижеры очень скоро израсходовали свои боеприпасы. Противник, заметив это, стал смелее, теснил вольтижеров все больше, и так как они были слишком отдалены от рожи, чтобы искать там спасения, Вурмб сформировал каре и умер там со своими людьми геройской смертью. Этот отряд был сражен частично ударами пик, частично пистолетными выстрелами. Мы скрежетали зубами, сомневаясь в необходимости этого ужасного спектакля и бесполезной жертвы многих храбрых солдат, все же посланных на смерть; повсюду слышались громкие проклятия Абрантесу.

Когда издалека, из упомянутой тополиной аллеи показалась значительная колонна кавалерии, прикрытая с обоих флангов артиллерией, и галопом в прекраснейшем порядке стала разворачиваться, наша бригада получила приказ немедленно пройти дефиле и атаковать русскую кавалерию. Сначала двинулись гвардейские шеволежеры, но так как дорога вниз и снова вверх была весьма узка и крута, пропало много ценного времени, и полк вышел к месту сражения по отдельности. Прежде чем наш полк прибыл, храбрые гвардейские шеволежеры и 1-й гусарский полк провели уже две атаки, однако безрезультатные, так как они происходили *позшелонно*, и стоили многих жизней. Мы слышали при подъеме на возвышенность только страшный шум, который то быстро приближался, то быстро удалялся. Наконец, мы также достигли ограниченной несколькими деревьями высоты. Здесь мы встретили нескольких легкораненых, а дальше увидели каски, кивера, сломанные пики и оружие разных видов, разбросанные на земле. Мы прибыли как раз вовремя, чтобы поддержать другие полки, жестко (118) преследуемые врагом. Полковник фон Хессберг приказал перестроиться и галопом разворачиваться поэскадронно. Это происходило под сильнейшим огнем орудий, который убил нескольких наших лошадей с точностью, как на учениях. После того, как оба других полка оказались слева и справа за флангами нашего полка, наши трубачи просигналили атаку, и мы сразу же бросились на серых сумских гусар, которые в этот момент поворачивали направо. Так как толстые ментики на спинах хорошо защищали вражеских всадников от рубящих ударов, не приносящих успеха, мы своими острыми саблями могли только колоть и добились нескольких падений гусар с лошадей, хотя большинство, несмотря на то что, вероятно, были тяжело ранены, смогли удержаться на летящих карьером лошадях. Мы

настолько сели им на плечи, что почти образовали линию *вперемежку* с задними рядами противника. Я уже дважды уколол скачущего рядом со мной сумского гусара, но он не упал; мало того, он еще и бросился вперед, в первые ряды. Я потерял его из вида и, в горячности боя чуть было тоже не оказался в первых вражеских рядах, когда пушечная пуля прожужжала рядом с моим левым ухом и на меня обрушились два сабельных удара, которые, впрочем, оказались недейственными из-за моего свободно висящего ментика. Это заставило меня остановить мою горячую лошадь, что было очень вовремя. Протрубили отход, так как приближающийся галопом Ахтырский гусарский полк угрожал нашему флангу. Мы сделали правый разворот и помчались *назад* во весь опор, коричневые ахтырцы следовали за нами. При возвращении мы получили несколько залпов из русских фланговых батарей, которые убили несколько наших людей. В огромных клубах все окутывающей пыли нельзя было разглядеть, что лежало на земле, однако по частым скачкам моей лошади можно было предположить, что это были многочисленные тела погибших. Только после возвращения с двумя другими нашими полками на ту же высоту и остановки, мы построились, и только теперь, когда пыль осела, можно было узнать положение дел. 1-й гусарский полк бросился на коричневых гусар, преследовавших нас, и плотно сел им на плечи. Некоторые отставшие гусары стали возвращаться, большинство из них были ранены. У одного *марешаль де лож* [*сержанта*] лицо было разрублено горизонтально от уха до уха, я не узнал его. У бригадира по имени Цвинкау железное навершие казачьей пики застряло между плечами, а древко переломилось. *Марешаль де лож* Хюнерсдорф из Касселя получил стрелу в правое плечо. Вероятно наконечник был отравлен, так как Хюнерсдорф умер спустя несколько часов: в русской армии находились как башкиры, так и калмыки, которые были вооружены луками и стрелами. Лошади без всадников носились вокруг и очень препятствовали движению. Мимо нас пронесли премьер-лейтенанта Сакка из гвардейского шеволежерского. Бравый офицер предвидел свой конец, так как пушечная пуля попала ему в мочевого пузырь.

(119) 1-й гусарский полк и гвардейские шеволежеры вновь вернулись на прежнее место, мы встали на левый фланг бригады. Неприятельская линия, еще более усиленная, значительно превосходила нас, и если бы они энергично атаковали, то смогли бы сбросить нас в расположенный за нами овраг. Тем не менее казалось, что враг не знает местности. Смелый генерал фон Хаммерштайн присоединился ко всем атакам, и даже сейчас, когда

мы снова выдвинулись и были совсем близко к противнику, он прогарцевал перед бригадой, чтобы бросить вызов какому-нибудь вражескому смельчаку. Таковой тут же появился, это был офицер на великолепной лошади. Он держал казачью пику, какие были у первой шеренги всего русского гусарского полка, покружил вокруг генерала и выстрелил в него из пистолета, что однако не имело успеха. Хаммерштайн, на крупном белом турецком коне, с широким боевым клинком в руке, спокойно выждал этот выстрел. Тотчас он бросился на своего противника и разрубил ему кивер и голову до плеча, так что тот как мешок упал на землю, в то время как Хаммерштайн завладел его лошадейю. Наши гусары встретили его ликующим «Браво», Хаммерштайн передал лошадь гусару, чтобы провести ее вдоль фронта, и сказал: «Просто немного решительности, ребята, и у вас будут такие же!» В различных атаках полка преуспели ротмистры фон Бокк, фон дем Буше и фон Бойнебург, также отличился *старший адъютант* фон дер Мальсбург. Последние трое имели счастье доказать свою храбрость при Бородино и пережить тот кровавый день.

Тем временем мы снова продвигались под сильным орудийным огнем. Наш полковой оркестр, во главе которого ехал отличный капельмейстер Клинкхардт, играл великолепный марш, в некотором роде марш смерти. Вскоре однако заиграли трубы и мы перешли в галоп, затем в карьер, и пошли опять против серых сумских гусар, которым мы на этот раз, несмотря на то что так же рубили и кололи, нанесли меньшие потери, чем первый раз. Благодаря своим отличным лошадям они имели превосходство, которое позволяло установленной на их флангах артиллерии эффективно обстреливать нас. Это стоило нам людей и лошадей. Хессберг приказал трубить отход, прошедший в полном порядке, без лишнего беспокойства. Примерно через 600 шагов мы снова встали на позицию. Тем временем позади нас встала польская полубатарея, слабый огонь которой однако вовсе не беспокоил русских. Также за нами встала часть 11-го уланского полка. Линия нашего противника находилась перед нами настолько близко, что они обстреливали нас из ружей. Наши люди захотели на это ответить, хотя это было запрещено, и некоторые выстрелили через строй, среди них и стоящий за мной ротный шорник Халлеко. Его пуля прошла так близко от моего правого уха, что я почувствовал внутри него сильную боль. Дымящаяся оболочка патрона упала на луку моего седла. Я серьезно отчитал этого шутника, пообещав, что в случае повторения заколю его лошадь. У него было, между прочим, мертвенно-бледное лицо, с впалыми (120) глазами, казалось, он чувствовал

приближение смерти. Он щедро предложил своим товарищам бутылку шнапса и немного хорошо сохранившегося у него хлеба. Вообще нам всем было не по себе, когда мы должны были неподвижно стоять поблизости от противника, так как вражеские ядра и пули поистине свистели вокруг нас, и если бы их заряды не были бы слишком сильны, то они расстреляли бы нас основательно. Так как я стоял перед восьмым взводом полка, следовательно в его центре, полковник часто проезжал мимо и очень любезно улыбался. В десяти шагах передо мной я увидел сразу двух лежащих шеволежерских офицеров и испугался, так как мне показалось, что в одном из них узнал своего брата. Я уже собрался подъехать к ним, как оба поднялись и немедленно поспешили за наш фронт, чтобы вернуться в свой полк. Впрочем, они оказались не офицерами, и к счастью мое опасение было беспричинно. Оба упали с лошадей, были неоднократно потоптаны, и вследствие этого полностью оглушенные остались лежать. Орудийный огонь, который очень беспокоил наш полк, был направлен от батареи правого вражеского крыла на наш левый фланг. Он стал очень сильным, и в строю это вызвало волнение. Я услышал несколько знакомых ругательств, сопровождавшихся ударами саблей плашмя, которыми наш старый вахмистр Грош, бывший гусар Блюхера, от души награждал находящегося во втором ряду беспокойного молодого гусара. Внезапно я почувствовал позади движение, следом за которым моя лошадь получила сильный удар. Я обернулся и увидел вместо моего бедного ротного шорника Халлеко лишь склоненное вперед окровавленное туловище, что представляло ужасное зрелище. Гусару Шульцу, сидящему за ним верхом, то же ядро оторвало правое плечо. Вахмистр Грош вывел обеих лошадей из строя за фронт и сбросил трупы с седел.

Тем временем мой овладело особенное чувство, я представил ужасную смерть Халлеко и невольно подумал, что и мой последний час также пришел. Вдруг я заметил, что у моей рыжей сильно взмок загривок, тут же она осела назад и рухнула: двенадцатифунтовое ядро переломило мои ножны и проникло доброму животному в тело за подпругой. Все это произошло в одно мгновение и как раз, когда я пытался выбраться из-под лежащего в агонии животного, мой полк сделал разворот кругом направо по четыре и галопом поскакал назад. Я был в отчаянном положении. Я видел, как двигается русская линия, и имел время только лишь вытянуть оба мои пистолета из седельных кобур, и с чемоданом и шинелью поспешил за моим полком. Ввиду еще некоторого удаления врага

мне возможно и удалось бы спастись, но я заметил отдельную группу, вероятно взвод фланкеров, которые кажется следили за мной и быстро начали преследовать. Два человека скоро догнали меня, один был вооружен пикой, другой – саблей. Они кричали мне: «postoi, Franzus!» – пришло время, подумал я, выставил вперед саблю и выстрелил из пистолета по гусару с пикой. Он дал осечку, тогда я бросил его в голову лошади с такой силой, что та отворотила (121) в сторону. В другого, молодого офицера, я выстрелил из второго пистолета, в котором не оказалось пули. Он нанес мне очень сильный удар, который я парировал, но латунная гарда моей сабли была разбита, а мой большой палец серьезно поврежден. Одновременно я получил сзади сильный укол пикой, который пришелся на кожаную обшивку моего кивера и находящуюся в нем *фуражную шапку*, и упал безжизненно.

Как долго я лежал и каким образом был перевезен с поля боя, я так и не узнал. Открыв глаза, я увидел, что нахожусь в сильно заболоченной местности, рядом с русской тяжелой батареей, которая время от времени давала залпы. Мое пробуждение было ужасно, и я желал бы лучше десять раз умереть, так как мое бедствие было велико: у меня ничего не осталось, кроме гусарского ментика, рейтуз и кивера. Золотые часы, кошелек с 18 двойными луидорами, которые я хранил в серебряной лядунке, а также хорошие сапоги исчезли. Я был босиком, рана в голову вызывала неприятные боли и все еще кровоточила, волосы и кожа на лице стали тверды от запекшейся крови. Я смочил свой галстук в воде и вымыл голову и лицо, как смог. Все это время пушечные ядра постоянно прилетали в это болотистое место и заливали все вокруг водой. Находившийся поблизости русский пехотный батальон стоял до икр в болоте и имел уже впечатляющие потери. Священник шел с высоко поднятым крестом, вдохновляя им солдат. Я увидел офицера этого батальона, убитого пушечным ядром, который пребывал в странном виде: его ноги стояли по колено в болоте, голова тут же, а ничего другого, кроме маленького офицерского ранца и серебряного шарфа, стягивающего поясицу, не было заметно.

Пронесли высокого офицера русского гусарского полка; его несли два человека, и он казался тяжело раненым. Видно было, что многие ему сочувствуют, а командир батареи, старый морщинистый человек, впал в такое волнение, что захотел выместить ненависть к французам на мне. Он схватил меня за грудь и вырвал целый кусок каракуля из моего ментика. Другие офицеры, кажется, не одобряли такого патриотического усердия.

До сих пор не знаю, почему меня оставили на этом участке. Вероятно из-за провожатого, который появился, когда начало смеркаться. Это был огромный гренадер полка графа Аракчеева, настоящий русский воин. Со словом «stupai» мы тронулись и через несколько сотен шагов остановились перед линией кавалерии, которая состояла из гвардейских Драгунского и Гусарского полков. Эти два сильных полка прикрывали здесь тяжелую батарею. Подскакали несколько офицеров, чтобы увидеть пленного француза; некоторые спрашивали, какой я нации, и потом возвращались опять к своим полкам.

Настала ночь, и моя рана и голые ноги болели чрезвычайно. С момента, когда к нам прибыл Мюрат, я ни пил, ни ел. Я не чувствовал голода, но испытывал сильную жажду; мои силы очень ослабли, и я с трудом еле тащился дальше.